

В приведенных описаниях новых икон у Аввакума последовательно объединяются те же самые признаки внешности его современников — духовных «владык» и светских щеголей, которых он не устал обличать в своих «беседах». Христос, даже юный, подобно феодалам, оказывается «брюхат и толст», он имеет «уста червоная» (ср. выше — «уста багряноносна»), «власы кудрявые» (см. выше — «кудри разчесывает»). Эти типичные признаки внешности настойчиво повторяются автором в его оценках икон то порознь, то в варьирующихся сочетаниях. «Иные, — указывает Аввакум, — Христов образ и Богородичен пишут неподобно, но тело бо — тело: и тучно, и волосат и, яко немчин. . .» (899).

Аввакума возмущало то, что изографы «святых образы изменили» (292), и те традиционные представления об их внешности, которые казались ему единственно реальными, были нарушены: «. . . а инде прибавлена небылица — власы простерты или у святителя, и у преподобного, яко у немчина, и у самого Спаса косы и браду неподобно пишут. . .» (898). Такое же отношение Аввакума вызвали перемены в изображениях одежды: «Да и много же у них изменение — тово во иконах — тех: власы расчесаны, и ризы изменены. . .» (287).

Феодально-церковный тип одежды Христа на новых иконах хорошо пояснял ученым монахом-грекофилом Евфимием, не принадлежавшим к расколу, но сходявшимся с Аввакумом в некоторых существенных его мнениях.⁵⁷ Евфимий осудительно писал, что ныне Христа «во архиерейстей одежде сидяща пишут, не вем по чесому. . .», а следует писать его «во одежди подобней апостольстей. . . , яко и сам Христос в мире хождаше. . .».⁵⁸

Взгляды Аввакума на модный «образ» Христа и святых полностью разделялись и уточнялись в ряде деталей Авраамием, который указывал, что теперь «. . . на хартиях пишут и печатают святых дебелими, и утучненными лицами и убеленными телесы, и с нагими тела некими частями, им же лепотствует быти покровенным ради благообразия. . .».⁵⁹

Особенно оскорбляли религиозно-эстетическое чувство Аввакума новые изображения Богородицы: «Якоже фрязи (вариант: „фрязи поганя“) пишут образ благовещения пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колени висит, — во мгновении ока Христос совершен во чреве обретесе!» (283). Авраамий вносил в эти представления показательные уточнения: «Икону пресвятой Богородицы пишут дебелолычну, откровенну главу имущу, простовласату, перси святыя и сосцы голы. . .».⁶⁰ Иноземный характер подобного образа Богородицы наиболее остро ощущался в одном его признаке, оскорбительном для всякого традиционно мыслящего русского: Богородица оказалась «простоволосой». Не случайно, описывая крушение своего «дощеника» на Ангаре, Аввакум с горечью отметил:

страненная в XVII в. в России, была «настоальной книгой царских иконописцев», влияние ее на нашу иконопись «было громадно» (А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. I, М., 1913, стр. 315). Искусствоведы правильно характеризуют изображения библейских персонажей в этой книге: «Персонажи отличаются тяжелыми массивными формами. . .», «Фигуры . . . массивны, с особенно резкой, преувеличенной мускулатурой, еще более подчеркнутой одеждой. . .», библию «можно считать выразительнейшей идеологии высших классов Голландии и Фландрии: двора, духовенства, крупной буржуазии» (Е. П. Сачевец-Федорович. Ярославские стенописи и Библия Пискатора. — Русское искусство VII века, сборник статей, Л., 1929, стр. 88, 91—92). Эти оценки, сделанные без учета взглядов Аввакума на иконопись, по существу своему совершенно им соответствуют.

⁵⁷ См.: А. Н. Робинсон. Жизнеописание, стр. 168, 280—281.

⁵⁸ Евфимий. Вопросы и ответы, стр. 20.

⁵⁹ В. И. Успенский, стр. 73.

⁶⁰ Там же.